

В.Л. Янин, М.Х. Алешковский

Происхождение Новгорода (к постановке проблемы)

История СССР, №2, М.-Л., 1971, стр. 32-61

-32-

Новгородская археологическая экспедиция, основанная в 1929 г. А. В. Арциховским, вступила в пятое десятилетие своего существования. Естественно, что столь продолжительные усилия большого коллектива исследователей уже привели к решению многих общих и частных проблем русской средневековой истории. Однако не менее естественно, что те же усилия вызвали к жизни постановку едва ли не большего числа спорных вопросов, затрагивающих самые основы традиционных решений. И чем больше таких нерешенных проблем, тем острее потребность в обсуждении исследовательской методики, разработка которой зависит в немалой степени от жесткой необходимости добиться значительных результатов в кратчайшие сроки.

Древний Новгород - не заброшенное людьми городище. За тысячи лет непрерывного существования он накопил многометровый культурный слой, поверхность которого покрыта современным асфальтом, застроена жилыми и промышленными зданиями. Город быстро растет и перестраивается, и выбор в нем участков для археологического исследования непрост. Можно, истратив немалые средства, обнаружить лишь повторение того, что уже сделалось достаточно ясным в предшествующие годы. Но можно и нужно искать методически целесообразные и эффективные направления полевых работ. Можно и нужно избирать такие цели, достижение которых способно вести к решению не одной, а целого комплекса проблем. Только правильное определение подобных целей позволит наметить рациональную программу будущих раскопок.

Для Новгородской экспедиции в последние годы главной темой сделалась проблема происхождения Новгорода. Чтобы сформулировать различные аспекты этой проблемы, следует предварительно остановиться на некоторых особенностях Новгорода как археологического памятника и на основных результатах его источниковедческого изучения.

Для археологов Новгород особенно притягателен не только потому, что с ним связаны ярчайшие факты русской истории и культуры, и не потому, что как исторический феномен этот город не знает прямого подобия в русском средневековье. Он замечателен также неповторимой степенью сохранности своих древностей - от монументальных построек до мельчайших предметов быта. Возникший среди болот, на берегу реки с пологими берегами, под дождливым небом севера, Новгород существовал на влажной почве, идеально сохраняющей органические вещества. Предметы из дерева, кости, войлока, кожи, коры, ткани сохраняются в его культурном слое без искажения их первоначальной формы. Металлические предметы покрываются лишь тонкой пленкой коррозии, сохраняющей их от дальнейшего разрушения. Это значит, что практически все

интересующие археологию остатки жизнедеятельности не исчезают, а открываются в процессе раскопок: нижние венцы деревянных построек

-33-

и бревенчатые мостовые, частоколы усадеб и столбы ворот, остатки мебели и повозок, утварь и украшения, документы, написанные на бересте, и свинцовые печати древних пергаментов, инструменты ремесленников и изготовленные ими вещи, скорлупа заморских орехов и зерно тощих северных пашен. Разумеется, невозможно говорить о сохранении в новгородской почве остатков всех предметов, которыми пользовались средневековые горожане. Большая часть таких предметов уничтожена бесчисленными пожарами, рано или поздно разрушавшими любую деревянную постройку. Но все, что попадало во влажную почву, сохранилось до наших дней.

Влажность почвы в Новгороде обусловила еще одно существенное для археологов обстоятельство. В Новгороде не рыли погребов и не заглубляли в землю фундаменты. Не было там и колодцев, пользование которыми было бы невозможно из-за постоянной опасности их загрязнения из горизонтов культурных напластований. Поэтому стратиграфическая картина новгородского культурного слоя не нарушена перекопами. Не произошло существенных нарушений стратиграфии и позднее, когда в XVIII в. началось массовое строительство каменных домов с подвалами. В середине XVIII в. Новгород был перепланирован, и новые улицы прошли не по красным линиям древней застройки, а, как правило, по задворкам древних усадеб. К тому же нарушения, вызванные строительством XVIII - первой половины XX в., коснулись лишь поверхностных уровней культурного слоя, не глубже напластований конца XV в. Таким образом, основные жилые комплексы древнего Новгорода не пострадали. Лишь современное строительство впервые создало угрозу целостности еще не открытых новгородских древностей, заставляя отыскивать тактичные меры их охраны.

Многочисленные открытия археологов по существу уже превратили новгородский культурный слой в памятник национального значения, что позволяет надеяться на известный прогресс в развитии полезных для науки соотношений археологических исследований и городского строительства.

Наибольшей известностью из открытий последних лет пользуются берестяные грамоты, которых сегодня обнаружено уже 488. Однако, на наш взгляд, не меньшее значение имеет другой результат работ Новгородской экспедиции. В Новгороде еще в 1930-х годах сложился главный методический прием раскопок средневекового города - его исследование широкой площадью. Практически иная манера работы неприемлема, поскольку небольшой раскоп, в который попадают лишь части построек, можно уподобить разве лишь фрагменту древнего документа, сохранившего несколько бессвязных букв. Обычной единовременно закрываемой площадью стал участок не менее 300-400 кв. м, расширяемый при благоприятных условиях до возможного максимума. На протяжении 1951 -1962 гг. в одном из районов Новгорода путем таких полевых прирезок был вскрыт участок общей площадью в 10000 кв. м при мощности культурного слоя до 7 м.

В этих условиях главной исследуемой единицей стал уже не дом, а усадьба с комплексом ее построек и ограничивающим ее частоколом. Естественно, что раскопки усадьбы имеют дело не только с ее планом, но и с вертикальным разрезом, вернее - с чередованием многочисленных строительных ярусов. На упомянутом большом участке было исследовано 28 ярусов усадеб, древнейшие из которых датировались серединой X в., а позднейшие - серединой XV в. Полностью или частично здесь вскрыто десять усадеб,

общее число разновременных построек не превышало 1000. В культурных напластованиях X-XV вв.

-34-

собрано свыше 100000 различных предметов, не считая обрывков кожи и обломков керамики.¹⁾

Совместное изучение предметов и построек дало возможность в большинстве случаев предпринять функциональную атрибуцию построек, установив для одних жилое, для других хозяйственное или производственное назначение. Группировка найденных здесь же в большом количестве берестяных грамот способствовала во многих случаях установлению и имен усадебовладельцев. Подобные результаты были достигнуты и в последующие годы во время раскопок других районов Новгорода.

Что касается хронологии древностей, то прекрасная сохранность древесины позволила на время отказаться от традиционных датировок по комплексам вещей, чтобы теперь вернуться к ним на новом, более высоком уровне. Мы имеем в виду широкое применение метода дендрохронологии, давшего возможность определять время построек и мостовых с точностью до одного года²⁾. В свою очередь, результаты дендрохронологических исследований привели к построению максимально уточненной вещевой шкалы, получив которую, мы можем теперь делать удовлетворительные датировки еще до выяснения результатов кропотливого дендрохронологического анализа. При построении вещевой шкалы учтены не только внешние признаки предметов, но и эволюция их технологической схемы, выясняемая с помощью металлографических и спектрографических исследований.

Такова самая общая характеристика археологической стороны дела.

Переходя теперь к занимающей нас узловым проблеме, нужно отметить, что главная трудность в ее решении проистекает из видимого противоречия между показаниями письменных источников и состоянием археологических материалов по самому раннему периоду в истории Новгорода. В летописях Новгород упоминается впервые под 859 г.; правда, это упоминание содержится в сравнительно позднем своде³⁾. К середине X в. относится известное упоминание Новгорода Константином Багрянородным⁴⁾. 953-м годом датируется самая древняя из построек, исследованная археологами⁵⁾. Хотя никто никогда не утверждал, что археологам удалось обнаружить вообще самую древнюю новгородскую постройку, все же естественно возникает вопрос о степени достоверности летописного показания. Иными словами, возник ли Новгород около середины X в. или к этому моменту он прошел не менее, чем вековой путь?

До недавнего времени этот вопрос представлялся особенно дискуссионным по двум причинам. Во-первых, считалось твердо установленным, что ныне существующий пояс внешних фортификаций города, имеющий общую протяженность около 10 км, возник в XII в., т. е. уже в начальный период своей истории Новгород занимал такую же площадь, как в XV в. Во-вторых, сам топоним "Новый город" предполагал существование какого-то "Старого города", переселение жителей из которого на новое место и привело к возникновению Новгорода. Соединение этих двух

---

¹⁾ П.И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. "Материалы и исследования по археологии СССР", т. 123. М., 1963; его же. Новгород, открытый археологами. М., 1967; Б. А. Колчин. К итогам работ Новгородской археологической

экспедиции (1951 - 1962 гг.). "Краткие сообщения ИА АН СССР", вып. 99. М., 1954

²⁾ Б.А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. "Материалы и исследования по археологии СССР", т. 117. М., 1963.

³⁾ ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, стр. 8.

⁴⁾ Константин Багрянородный. "Об управлении государством", гл. 9, "Известия ГАИМК", М.- Л., 1934

⁵⁾ Б.А. Колчин. Дендрохронология Новгорода, стр. 85.

-35-

посылок рождало вывод: город возник одновременно на большой площади; следовательно, дата, извлеченная со дна культурного слоя практически в любом месте Новгорода, есть дата его основания.

Рассмотрим обе эти посылки. Исследованиями, проведенными в самое последнее время, доказано, что в действительности внешний вал Новгорода сооружен лишь в конце XIV в. ⁶⁾ В более раннее время городской посад защищался лишь временными частоколами, спешно строившимися в момент опасности. Признаки постепенного расширения города прослеживались неоднократно. В частности, открытая А. В. Арциховским еще в 1932 г. каменная стена 1335 г., построенная всего за полвека до возведения существующих сейчас валов, обозначает границу менее значительного города ⁷⁾. Раскопы, заложенные в 1962 г. и в последующие годы сравнительно близко от центра города, обнаружили нижние слои не ранее середины XI в. Исследованный в 1970 г. участок, расположенный вблизи Ярославова дворища, как выяснилось, был заселен лишь в самом конце X в. Отсюда следует, что первоначальный небольшой город рос постепенно, и только открытие его исходного ядра (или ядер) способно выяснить истинную дату его основания.

Что касается топонима, то теория переселения предполагает наличие разноэтапных "Нового" и "Старого" городов. Концепция переселения может быть проверена поэтому только поисками предположенного предшественника Новгорода. В пределах Новгородской земли, в отличие от других русских земель, городов очень мало. За вычетом крепостей, построенных в XIII-XV вв., к числу несомненно древних относятся лишь Старая Ладога, Старая Русса и Рюриково Городище (в 2 км от Новгорода). Все три пункта уже предлагались в литературе на роль старого по отношению к Новгороду города, чему способствовало осмысление их топонимов. Между тем и Русса и Ладога стали называться "Старыми" исключительно поздно и не по отношению к Новгороду, а по отношению возникшим около них Новой Руссе и Новой Ладоге. Городище, которое так именовалось и в XII в., что свидетельствовало о большой древности этого пункта, однако никогда не называлось Рюриковым; это добавление к своему названию, явившееся плодом ученых реминисценций дилетантов, оно получило лишь в краеведческой литературе XIX - XX вв.

Во всех трех пунктах производились археологические раскопки, которыми установлено отсутствие в Руссе слоев более древних, чем XI в., в Ладоге и на Городище, располагающих и более древними слоями, отсутствие прямых генетических связей с ранними новгородскими древностями.

В последнее время у некоторых исследователей возникает мысль о том, что город на Волхове стал называться "Новым" по отношению к Киеву. Однако очевидно, что доказать это предположение можно лишь установлением непосредственной преемственности ранних новгородских древностей от еще более ранних киевских. Ниже мы еще коснемся этого вопроса.

Очевидно, что, не располагая пока в Новгороде древнейшими комплексами, мы должны прибегнуть к ретроспективному рассмотрению более поздних фактов, отыскивая

в них несомненные черты восхождения начальному периоду существования города. Только выяснение таких начальных элементов способно привести к первоначальной (и, разу-

---

⁶⁾ М.Х. Алешковский, Л.Е. Красноречьев. О датировке вала и рва Новгородского Острога. "Советская археология", 1970, № 4.

⁷⁾ А.В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. "Материалы и исследования по археологии СССР", т. 11. М.-Л., 1949.

-36-

меется, предположительной) реконструкции тех процессов, которые не только привели к возникновению Новгорода, но и определили его достаточно своеобразный характер. Ретроспективные реконструкции могут быть предприняты в трех аспектах: топографическом, этническом и социальном. В дальнейшем изложении мы пытаемся показать, что в действительности все три аспекта проблемы происхождения Новгорода оказываются в то же время аспектами другой проблемы - вопроса о взаимоотношении княжеской и республиканской властей в Новгородском государстве.

Такая постановка вопроса не нова. Этот вопрос, по-видимому, достаточно оживленно обсуждался еще в начале XII в., поскольку древнейшая русская летопись "Повесть временных лет" сообщает две взаимоисключающие версии возникновения Новгорода. Согласно одной из них, Новгород был основан Рюриком ⁸⁾; согласно другой, его основали славяне, пришедшие на Север в процессе расселения из Поднепровья и затем пригласившие Рюрика в уже существующий город ⁹⁾. Иными словами, по одной версии - князь первичен по отношению к городу, а по другой - он вторичен, застав в нем уже сложившуюся структуру власти старейшин. Какая из этих версий истинна?

В этой связи обращает на себя внимание не вполне обычное в топографическом смысле положение князя в Новгороде даже в самый ранний период его существования. Если в южных русских городах резиденция князя совпадает с городским замком (хотя до конца X в. в Киеве она была вне "града Киева"), то в Новгороде она всегда находилась вне кольца древнейших фортификаций. Самые ранние упоминания княжеских резиденций в Новгороде связаны с рассказом о событиях времени Ярослава Мудрого (рубеж X-XI вв.). В этот период князь располагал двумя резиденциями: загородной в селе Ракома в 8 км от Новгорода и городской, местоположение которой запечатлелось в знаменитом впоследствии наименовании "Ярославово дворище". Это наименование обозначает местность, расположенную на правом берегу Волхова, напротив городского замка, на участке, лишенном каких-либо фортификаций. Уже из одного этого наблюдения возникает закономерный вопрос: если князь действительно был основателем города, то почему же он живет не в основанном им городе, а вне его?

Добавим к этому, что аналогичный вопрос возникает не только в связи с новгородскими материалами. Сходная ситуация характерна для Пскова, где резиденция князя находится вне городской цитадели; для Смоленска, где княжеский дворец на Смядыни размещался даже в отдалении от городского посада; для Ростово-Суздальского княжества, где князь еще более центробежен по отношению к древнейшим центрам, обосновавшись в удаленном от них Владимире. Легко заметить, что во всех случаях речь идет о городах с особенно устойчивыми вечевыми порядками.

Из изложенного наблюдения следует очевидный, хотя и предположительный вывод: князь в Новгороде был вторичен по отношению к тем общественным силам, которым город обязан своим возникновением. Характер этих общественных сил можно пытаться установить анализом первоначальной принадлежности новгородского замка - Детинца.

Если в нем не жил князь, то кого же защищали его укрепления? Однако предварительно следует познакомиться с некоторыми важными топографическими деталями, выясненными в самое последнее время.

⁸⁾ ПСРЛ, т. 2, изд. 2. СПб., 1908, стлб. 14.

⁹⁾ Там же, стлб. 5.

Новгородский Детинец в существующем виде является постройкой конца XV в., созданной при Иване III на основе более ранних фундаментов. Специальное археологическое и архитектурное обследование его ранних элементов позволяет утверждать, что эта основа восходит к Детинцу, сооруженному в 1116 г. ¹⁰⁾ Ранее названной даты Детинец занимал меньшую площадь: летописец сообщает, что в 1116 г. крепость была построена больше прежней. ¹¹⁾ Предшествующие фортификации 1045 г. ¹²⁾ охватывали площадь, меньшую приблизительно в два раза. Этот ранний Детинец совпадает с северной половиной существующего и включает в себя Софийский собор и примыкающие к нему постройки епископского двора ¹³⁾.

Более ранние фортификации Детинца археологически не прослеживаются, но они существовали и до 1045 г., поскольку еще Константин Багрянородный в середине X в. упоминал Новгород (само наличие в топониме термина "город" свидетельствует о наличии таких фортификации). Был ли этот первоначальный Новгород адекватен крепости 1045 г. или уступал ей по площади? Для решения такого вопроса большой интерес представляют некоторые новгородские микротопонимы. Дело в том, что обычная структура городских фортификаций на Руси включала в себя помимо центральной крепости (цитадели) так называемый окольный город (или околоток), окружавший первоначальный посад. С развитием территории города получали еще одно кольцо внешних укреплений. В Новгороде мы видим цитадель (Детинец) и позднейшие внешние фортификации, но там как будто нет Окольного города. Между тем обращение к летописным текстам и другим средневековым документам обнаруживает широкое употребление в Новгороде термина "околоток".

Долгое время исследователи считали околотком только южную половину Детинца 1116 г., иными словами, ту его часть, которая была в указанном году присоединена к более раннему Детинцу 1045 г. ¹⁴⁾ Однако под 1339 г. околоток упомянут и внутри северной части ¹⁵⁾, а в описи, сохранившейся в списке начала XVI в., но составленной еще во времена новгородской независимости, перечисляются церкви "в околотке" также на территории этой "первой" крепости 1045 г. ¹⁶⁾ Таким образом, как это ни парадоксально, "околотком" в Новгороде называли какие-то территории внутри самого Детинца. Анализ всех упоминаний околотка установил, что так называли почти всю территорию Детинца за вычетом его северо-западного сектора, совпадающего с местоположением Софийского собора и епископского двора ¹⁷⁾. Иными словами, именно этот участок и был первоначальной крепостью Новгорода.

¹⁰⁾ М.Х. Алешковский. Новгородский Детинец 1044-1430 гг. "Архитектурное наследство", № 12. М., 1962.

¹¹⁾ НПЛ, М.-Л., 1950, стр. 20.

¹²⁾ Там же, стр. 18.

¹³⁾ Там же, стр. 3-15.

¹⁴⁾ См., напр., М.К. Каргер. Новгород Великий. М.- Л., 1961, стр. 90.

¹⁵⁾ НПЛ, стр. 350. На это впервые указано еще И. И. Красовым, но его мнение быстро

забыто (см. И. Красов. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851, стр. 19)

¹⁶⁾ А. Никольский. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. "Вестник археологии и истории", вып. X. СПб., 1898, стр. 79.

¹⁷⁾ Само по себе расположение околотка в границах существующей крепости не единично. В псковском кремле южная часть его территории называлась "охабень", что близко по значению к "околотку". Охабень - это неукрепленное предместье кремля, при расширении которого в 1337 г. он и оказался в границах крепостных стен. См. М.Х. Алешковский. Раскопки древнейших каменных башен Новгорода и Пскова. "Археологические открытия 1968 г.", М., 1969, стр. 19-21.

-38-

Зимой 1969-19/0 гг. приведенное выше построение было неожиданно подтверждено результатами реставрационных работ, предпринятые Г. М. Штендером в одном из зданий древнего епископского двора - Никитском корпусе. Оказалось, что это здание, расположенное на границе теоретически установленной первоначальной крепости, в качестве своей внешней стены использовало крепостную стену середины XV в.

Следовательно, еще в XV в. сохранялась поддержанная Евфимием II традиция вычленения древнейшей фортификации из общего массива новгородского Детинца. Летом 1970 г. Г. М. Штендер произвел у стен Никитского корпуса шурфовку, по-видимому, открывшую остатки древнего вала в слоях, которые залегают ниже строительного мусора Софийского собора.

Итак, место первоначальной крепости, по всей вероятности, установлено. Кому же она принадлежала?

С момента христианизации Руси и установления в Новгороде епископии Софийский собор и примыкающие к нему постройки составляют комплекс резиденции епископа. Самый декорум христианизации повсеместно на Руси включал в себя идею торжества над поверженным язычеством и требовал освящения древних капищ сооружением на их месте церквей. Так было и в Новгороде, где на месте языческих капищ Велеса и Перуна были сооружены храмы Власия, Илии Пророка и Рождества Богородицы. Нужно полагать, что и Софийский собор физически сменил главное языческое капище Новгорода ¹⁸⁾. В таком случае непосредственным предшественником епископского двора на территории первоначальной крепости окажется языческое жречество. Но не только оно.

Одно из урочищ первоначальной крепости в XIV-XV вв. носило и название "Буевища", т. е. заброшенного кладбища. Этот микротопоним покрывал значительную часть территории северной части существующего Детинца, которая далеко выходила за пределы соборного Софийского кладбища ¹⁹⁾. Здесь в раннее время, вплоть до момента построения Входоиерусалимского храма в 1336 г., не было христианских храмов. Поэтому Буевищем следует считать кладбище еще языческого периода.

Существует еще один элемент древнейшего происхождения, связанный с той же территорией. Из показаний летописей как будто следует, что до XV в. новгородское вече собиралось на Ярославовом дворище лишь в экстраординарных случаях, тогда как местом его обычных сходов была площадь перед Софийским собором. Здесь в позднейшее время совершались конституционные акты интронизации епископов и князей, а в непосредственной близости находился волховский мост - традиционное место вечевых казней. Вечевой помост перед Софийским собором изображен и на позднейшей Михайловской иконе, использовавшей ранние образцы ²⁰⁾.

---

¹⁸⁾ Существует основанное на показании Первой Новгородской летописи по Комиссионному списку мнение о том, что первоначальная деревянная София конца X в.

находилась в конце Пискупля улицы, там, где позднее был построен храм Бориса и Глеба. Это показание XII в. до крайности противоречиво. Пискупля улица, как бы ни представлять ее местоположение на плане Детинца, не могла оканчиваться у церкви Бориса и Глеба, далеко отстоящей от проездных ворот Детинца. Эта территория до 1116 г. не была укреплена. При возведении каменных храмов на место предшествующих им деревянных новый алтарь старались ставить на место старого. Поэтому полагаем, что остатки деревянной Софии следует искать в непосредственной близости к существующему Софийскому собору.

¹⁹⁾ А. Никольский. Указ. соч., стр. 79. Текст описания ограничивает территорию Буевища пространством между Владычным двором и церковью Входа в Иерусалим.

²⁰⁾ П. Л. Гусев. Новгород XVI века по изображению на хутынской иконе "Видение пономаря Тарасия". "Вестник археологии и истории", вып. XIII. СПб., 1900, стр. 15.

Сочетание на территории первоначальной крепости Новгорода капища, кладбища и места вечевых собраний характеризует эту территорию как местопребывание древнего племенного (или межплеменного) центра, обладающего признаками, в равной мере традиционными, как для Восточной, так и для Северной Европы раннего средневековья. В древности кладбище обычно служило и местом вечевых сходов, и местом суда, и местом различных административных отправлений, а также культовых празднеств и игр; иными словами, это, как правило, был центр племени. Недаром в русском языке словом "погост" означает и кладбище, и административный центр нескольких деревень. Скандинавские источники донесли до нас описание народных собраний-тингов, собиравшихся на курганных кладбищах, таких, например, какое сохранилось в Уппсале. Не случайно поэтому, что и около многих наших курганных кладбищ не найдено остатков селищ или городищ, а эти последние, в свою очередь, часто лишены своих кладбищ, так как их жители пользовались погостами, общими для нескольких поселений.

Такая реконструкция общественного характера первоначального Детинца снова возвращает нас к выводу о вторичности княжеской власти по отношению к городу, возникшему на основе собственных внутренних закономерностей развития местного племенного центра.

В этой связи нуждается в пересмотре популярная сейчас схема периодизации истории Новгорода, согласно которой ранний, так называемый княжеский период сменяется периодом республиканским лишь в 1136 г. после успешного антикняжеского восстания. Предполагается обычно, что до 1136 г. князь был полновластным хозяином Новгорода, а в 1136 г. он утратил свои главные прерогативы: Новгород завоевал право приглашения и изгнания князей, лишил князя права владеть и распоряжаться землей в пределах Новгородского государства, выселил его на Городище, запретив жить в городе ²¹⁾.

В действительности многое из того, что признается достижениями 1136 г., было характерно и для более раннего времени. Факт древнего приглашения Рюрика в дальнейшем сделался конституционным знаменем Новгорода. Но это не единственный факт такого рода. Новгородцы в конце X в. настояли на княжении у них Владимира, в 1052-1054 гг. оставили у себя Ростислава Владимировича и снова пригласили его в начале 60-х годов, в 1096 г. изгнали навязанного им южными князьями Давида и призвали Мстислава, в 1102 г. решительно воспротивились замене Мстислава сыном киевского князя. Этих фактов так много, что говорить о безраздельном господстве князя над Новгородом даже в этот ранний, "княжеский" период, на наш взгляд, неправильно. Недавно было выяснено, что и до 1136 г. князь в определенных случаях распоряжался в Новгороде землей лишь с согласия веча ²²⁾, а переселение князя на Городище произошло,

по крайней мере, за сорок лет до событий 1136 г.²³⁾

Приведенные здесь материалы укрепляют тезис об особой мощности древней доньяжеской структуры власти в Новгороде, которая и в княжеский период сохраняла твердые позиции в государственной жизни.

До сих пор, оставаясь в рамках топографического исследования нашей проблемы, мы касались лишь Детинца, предположив в нем фор-

---

²¹⁾ Б.Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. "Уч. зап. Института истории РАНИОН", т. IV. М., 1929.

²²⁾ В.Л. Янин. Из истории землевладения в Новгороде XII в. Сб. "Культура древней Руси". М., 1966, стр. 313-324.

²³⁾ В.Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской республики. "История СССР", 1970, № 1, стр. 44-54.

тификацию древнего общественного центра, а не жилое ядро города. Однако именно Детинец и был древнейшим Новгородом. Важно отметить, что, описывая строительство Детинца в 1045 г., летописец называет его Новгородом, а не Детинцем.²⁴⁾ Слово Детинец впервые упомянуто только под 1097 г.²⁵⁾, а под 1116 г., описывая его расширение, летописец опять называет его Новгородом²⁶⁾.

Таким образом, Новгород возникает первоначально как укрепленный общественный центр находящихся за его пределами поселений, которые, вероятно, также имели фортификации, иначе по отношению к ним он стал бы просто "городом", а не "новым городом". Нам представляется, что существует возможность назвать эти поселения.

В позднейшее время (XIV-XV вв.) жилой массив Новгорода делился на пять самоуправляющихся концов (Славенский и Плотницкий - правом берегу Волхова; Неревский, Загородский и Людин на левом берегу). Между тем такая схема не была изначальной. А. Н. Насонов опираясь на текстологический анализ летописных свидетельств, установил, что в начале XIII в. концов было четыре²⁷⁾. Загородский конец, как особая единица, образовался лишь в конце XIII в. Позднее происхождение имеет и Плотницкий конец, на котором отсутствуют церкви, построенные до начала XIII в., а на большей части территории чрезвычайно тонок и культурный слой²⁸⁾.

Эти данные подтверждаются и наблюдениями над суммами выплаты Новгородом дани и числом воинов, собираемых в походы. И в том, и в другом случае исчисления бывали кратны количеству концов. В XIV в Новгород выплатил тверскому князю Михаилу 50000 рублей серебром (1315 г.)²⁹⁾, а в 1391 г. новгородцы берут из казны 5000 руб. для строительства башен острога³⁰⁾. В более раннее время говорится о 400 воинах, наряжаемых Новгородом в походы (1169, 1219 гг.)³¹⁾. Наконец, в самое раннее время подобные цифры кратны трем. Сумма дани, установленной Игорем, равна 300 гривнам³²⁾. Дань с Новгорода во времена Ярослава (1014 г.) равна 3000 гривнам³³⁾. Число воинов, выступивших из Новгорода против Святополка (1015 г.), равно 3000³⁴⁾. Реликтом того же древнего триединства, на наш взгляд, является и сохранившееся в XIV в. наименование правящего органа в Новгороде "300 золотых поясов". Добавим к этому, что и легенда о призвании князей говорит не об одном, а о трех приглашенных в Новгород князьях. Любопытно, что в позднейшем Новгороде существовало три одноименных Петропавловских церкви, каждая из которых связана с одним из трех древнейших концов (на окраине Славенского конца - церковь Петра и Павла на Славне, за валом Неревского конца - церковь Петра и Павла в Кожевниках, за валом Людина конца - церковь Петра и Павла на Синилище). Петропавловские церкви, посвященные апостолам христианского

учения, выражают ту же идею торжества над язычеством, освящая, по-видимому, местные капища.

²⁴⁾ НПЛ, стр. 181.

²⁵⁾ Там же, стр. 19.

²⁶⁾ Там же, стр. 20.

²⁷⁾ А.Н. Насонов. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 109-110.

²⁸⁾ В.Л. Янин. Новгородские посадники М., 1962.

²⁹⁾ НПЛ, стр. 336.

³⁰⁾ ПСРЛ, т. IV, изд. 2, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 370.

³¹⁾ НПЛ, стр. 221, 260.

³²⁾ Там же, стр. 107.

³³⁾ Там же, стр. 168.

³⁴⁾ Там же, стр. 175.

Подытожим приведенные наблюдения. Итак, первоначальный Новгород был во много раз меньше города XIV-XV вв. Однако он не был центром топографически компактным, имея в своей основе не одно, а три ядра, три изначальных поселка, политическое объединение которых на определенном этапе сменилось их физическим слиянием. Изложенные выше материалы позволяют назвать эти поселки. Одним из них был Славенский на правом берегу Волхова, напротив современного Детинца. Другим - Неревский, к северу и северо-западу от Детинца, на левом берегу реки. Третий - Людин, там же, но к юго-западу от Детинца. Именно здесь, на территории этих древнейших ядер города, и надлежит искать древнейшие комплексы, связанные с эпохой первоначального зарождения городской жизни в Новгороде.

Славенский конец (Славно) в летописях носит и иное название - Холм. Этот топоним связан с особенностями первоначального рельефа правобережной части Новгорода, ныне плоской, но в древности возвышенной. Очертания древнего холма на Славне, покрытого теперь культурными напластованиями, хорошо прослеживаются на основании данных геологического бурения, полученных в ходе текущего строительства ³⁵⁾. Особо отметим, что скандинавские источники даже в сравнительно позднее время упорно именуют Новгород Холмгардом ³⁶⁾. Обычно этот термин трактуется как скандинавское иноназвание Новгорода. Однако, если это так, смысл такого иноназвания раскрывается как "город на острове", что противоречит конкретной ландшафтной ситуации Новгорода. Полагаем поэтому, что Холмгард - не иноназвание, а древнейшее самоназвание Новгорода, вернее - одной из его составляющих, восходящее к той эпохе, когда самый феномен Новгорода в виде политической федерации поселков с общей для них цитаделью еще не возник. Иными словами, перед нами как раз один из тех предшественников Новгорода, по отношению к которому он и стал называться "Новым" городом: ведь Холмгард (Холмгород) тоже был городом, укрепленным местом, что следует из его названия. На территории Славенского конца раскопки велись неоднократно, однако всякий раз на периферии его центрального ядра. В довоенное время раскопкам подверглась окраинная часть конца, которая только осваивалась в XIV в. В 1962-1967 гг. раскопки велись в районе Знаменского собора, на участке, пограничном с Плотницким концом; здесь древнейшие слои датировались XI в. В 1970 г. раскопкам был подвергнут участок, примыкающий к Ярославову дворищу и освоенный впервые в конце X в. в процессе расширения Древнейшей части. На незатронутых раскопками участках Славенского конца

культурный слой местами достигает 9 м.

Неревский конец в той части его территории, которая непосредственно примыкает к Детинцу, представляет еще один участок залегания наиболее мощного в Новгороде культурного слоя³⁷⁾. И здесь раскопки, обнаружившие наиболее древние слои середины X в., вскрыли в 1951-1962 и 1969 гг. участки, лежащие на периферии древнего ядра. Что касается Людина конца, то он ни разу не подвергался археологическому исследованию, хотя и здесь, на участках, прилегающих к Детинцу, мощность культурного слоя более чем значительна. Заметим, что в начальную эпоху своего существования поселок Людина конца развивался не

---

³⁵⁾ И.И. Кушнир. О культурном слое Новгорода. "Советская археология", 1960, №3.

³⁶⁾ Е.А. Рыдзевская. Холм в Новгороде и древнесеверное Holmgardr. "Известия РАИМК", т. 2. Пг. 1922; ее же. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе. "Краткие сообщения ИИМК АН СССР", вып. VII, 1940, стр. 66-72.

³⁷⁾ И.И. Кушнир. Указ. соч.

только на территории, прилегающей к современному Детинцу ему принадлежала и та часть Новгорода, которая при расширении Детинца в 1116 г. вошла в состав крепости. Вече Людина конца в XIII в. собиралось в южной части Детинца, у церкви Бориса и Глеба, построенной, по-видимому, выходцем из этого конца на его исконной территории³⁸⁾. Улицы Людина конца в той части, которая примыкала к Волховскому мосту были отсечены стенами увеличившегося Детинца, однако даже в 1265-1270 гг., когда был составлен Указ князя Ярослава о мостех, жители этих улиц обязывались мостить те участки своих улиц, которые заходят в Детинец, что демонстрирует первоначальную принадлежность всех таких участков самим уличанам, а не обитателям Детинца. И в XV в. подавляющая часть территории Детинца имела церкви, входившие в подчинение кончанским соборам за стенами Детинца³⁹⁾.

Переходя к этническому аспекту нашей проблемы, мы должны коснуться прежде всего некоторых дефектов историографической критики так называемого норманского вопроса. Нам представляется, что давний спор о Рюрике чаще всего неправомерно сводился к бесперспективной дискуссии о легендарном или действительном существовании этого лица, тогда как летописная легенда содержит и иные, не менее интересные для историка материалы, в ходе дискуссии вовсе не оцененные. Мы имеем в виду, в первую очередь, недвусмысленно высказанное летописцем представление об идентичности новгородцев не какому-либо одному из племен, а федерации разноэтничных племен. Рассказывая о приглашении Рюрика, летописец инициаторами этого приглашения называет не просто новгородцев, а словен, кривичей и мерю⁴⁰⁾.

Так впервые возникает необходимость выяснить, был ли первоначальный Новгород одноэтничным или разноэтничным городом; иными словами, должны ли мы в изначальной структуре его государственной организации видеть племенной или межплеменной центр.

Археология в настоящее время формулирует свои выводы об этнической принадлежности древних комплексов главным образом на основе анализа деревенских украшений, избежавших присущей городу и вызванной движением моды нивелировки. Коль скоро речь идет о городских древностях, указанный критерий практически

неприменим. Поэтому первые указания на разноэтничный характер раннего Новгорода могут быть извлечены из данных городской топонимики и лингвистических материалов.

В предыдущем разделе статьи было выяснено, что исходной основой Новгорода послужил союз трех древних, соседствующих друг с другом поселков. Один из этих поселков назывался Славенским. Очевидна бессмысленность такого наименования в городе, целиком состоящей из славян. Однако оно приобретает особый смысл, если другие территории города, другие его исходные поселки не были населены славянами. Другой конец города - Неревский - при обычной взаимозамене "м" и "н" включает в свое наименование этноним мери. В названии одной из улиц Софийской стороны - Чудинцевой заключено упоминание еще

---

³⁸⁾ НПЛ, стр.60 (под 1220г.).

³⁹⁾ В.Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 308, 374. Собору св. Михаила на Прусской улице подчинялись кремлевские церкви Покрова на воротах, Бориса и Глеба, Андрея Стратилата, Иоанна Златоуста; собору св. Власия на Власовской улице - церковь Спаса на воротах.

⁴⁰⁾ НПЛ, стр 106

народа угро-финской группы - чуди. Вообще угро-финны активно проявляются и в археологических материалах новгородских раскопок; излюбленные ими шумящие привески достаточно часто встречаются в городских слоях. Наконец еще один этноним можно наблюдать в названии главной улицы Людина поселка - Прусской.

сп Федерация славян, кривичей, мери (и чуди?), очевидно, должна была существовать и до призвания варягов, до них должен был образоваться и центр этой федерации. Следовательно, городские поселения появились здесь в период ее образования, при консолидации отдельных ее членов в единое целое. Характерно и другое - недолгое правление здесь варяжских князей после их призвания. Преемник Рюрика, видимо, должен был уйти из города на юг в поисках более подходящей, чем в Новгороде, обстановки, чего не было бы, если бы город был основан самим Рюриком, а его население не имело бы своей выработанной еще до призвания варягов структуры власти. Нет ничего более характерного в ранней истории Новгорода, как этот уход недавно приглашенного княжеского рода из города. Намеки на какие-то столкновения приглашенного князя с новгородцами сохранились в поздних летописях, говорящих весьма последовательно сначала о существовании местной власти в лице старейшины Гостомысла, о его завещании новгородцам пойти поискать себе князя в Малборк, т. е. в ту самую землю пруссов, имя которой сохранилось в новгородской микротопонимике, о восстании против Рюрика под руководством Вадима, о подавлении этого восстания, о бегстве из Новгорода множества мужей в Киев ⁴¹⁾, иными словами, о событиях, столь же, по-видимому, характерных для раннего Новгорода, как и для Новгорода XI-XII вв. Можно сколько угодно спорить о путях, какими попали эти сведения в поздние своды. Несомненно лишь то, что их вряд ли надо было кому-либо измышлять в московское время.

Как же сложилась эта разноплеменная федерация и как это складывание одного из первых государственных организмов привело к появлению города на Волхове?

Рассмотрим прежде всего первый из этнических компонентов Новгорода - славян. Археологи обычно называют их "новгородскими словенами", подразумевая под ними такое же племя, как поляне, древляне, северяне и т. д. Поэтому следует остановиться на вопросе о правомерности такой характеристики и в связи с этим коснуться всей проблемы расселения восточных славян по Днепру, Верхней Волге, Западной Двине и Волхову.

В литературе существуют две точки зрения на этот процесс. Одни исследователи считают, что на Днепр пришли и расселились по нему уже сложившиеся где-то на стороне племени полян, древлян, дреговичей, северян, словен и т. д.⁴²⁾ Другие, напротив, полагают, что расселились еще не разделенные на племена славяне, которые по мере своего многовекового проникновения во все уголки Восточно-Европейской равнины и оседания на местах получали отличные друг от друга наименования⁴³⁾. Археологические и письменные источники свидетельствуют, по нашему мнению, в пользу второй точки зрения.

Сейчас сравнительно хорошо стали известны памятники восточных славян VI-VIII вв. по обоим берегам среднего Днепра. На правом

---

⁴¹⁾ ПСРЛ, т. 9. СПб., 1862, стр. 9; т. 2. СПб., 1843, стр. 235.

⁴²⁾ И.И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. "Материалы и исследования по археологии СССР", № 152. Л., 1968.

⁴³⁾ С.М. Середонин. Историческая география. Пг., 1916, стр. 124, 136, 137, 139 и др.

берегу это единая, не делящаяся пока на местные варианты славянская культура VI-VII вв. типа Корчак. Более поздняя культура роменского типа VIII-IX вв. зафиксирована уже на левом берегу Днепра и также не делится на местные варианты. Различия между обеими культурами хронологические, а не этнические или социальные. Нет местных различий и в более поздней культуре полусферических и круглых курганов IX-X вв., передвинувшейся уже на верховья Днепра⁴⁴⁾. Трудно сказать, все ли эти полусферические курганы оставлены славянами или этим последним принадлежат только отдельные из них. Когда же появляются местные, "племенные" различия в культуре восточных славян? Только в курганных материалах самого конца X-XI вв.

Создается впечатление, что таких различий в предшествующую эпоху еще не было, а складывание "племен" только начиналось, отразившись в их материальной культуре лишь в тот момент, когда эти "племена", вовлеченные в государственный кругооборот древней Руси, стали разлагаться и исчезать. Поэтому, если бы на Днепр в VI в. пришли уже сложившиеся племена, то в культуре нескольких последующих веков археологи обнаруживали бы какие-нибудь их отличительные черты. Этого, однако, еще ни одному археологу сделать не удалось.

Факт спецификации археологической культуры по местам только в XI-XII вв., отсутствие следов процесса такой спецификации в VI - IX вв. следует связывать, по-видимому, не с образованием племенных союзов, а, наоборот, с появлением таких связей, которые привели к консолидации отдельных территорий в XI в. и подготовили феодальную раздробленность последующего периода, первым юридическим оформлением которой было завещание Ярослава. В таком случае станет понятным, почему в эпоху образования единого древнерусского государства (X в.) единая и археологическая культура, а в процессе развития этого государства она распадается на местные варианты. Государство в ту эпоху могло развиваться только на основе консолидации местных центров, развитие которых, в свою очередь, и привело к закреплению феодальной раздробленности. Однако, говоря о местных вариантах, локальных особенностях археологической восточнославянской культуры в XI-XII вв., мы не решаемся называть эти варианты ни племенными, ни княжескими, видя в них результат не столько политических, сколько экономических процессов, выражение которых в политической истории было самым разнообразным и неоднозначным.

Изложенная точка зрения подтверждается и текстом летописной легенды о

расселении славян. Летописец прямо говорит, что славяне прозвались по тем местам, где они расселились, в зависимости от названий или особенностей таких местностей ⁴⁵⁾. Альтернативного толкования этого сообщения летописца быть не может: ведь он пишет, что расселялись славяне, а не поляне, древляне и т. д. Можно лишь подвергать эти слова сомнению, говорить, что летописец не был свидетелем события, что его сообщение - лишь гипотеза, одностороннее толкование дошедшей к нему через века легенды. Однако в таком случае опровергнуть летописца мог бы только археологический материал, существование местных вариантов славянской культуры в VI - IX вв., но этого материала у нас нет, а тот, который имеется, подтверждает достоверность летописного рассказа.

Поэтому создается впечатление, что группа славян, пришедшая на правобережье среднего Днепра, медленно и постепенно осваивала это

---

⁴⁴⁾ И.И. Ляпушкин. Указ, соч., стр. 113-117.

⁴⁵⁾ "Повесть временных лет", ч. 1. М.- Л., 1950, стр. 11.

пространство, затем перешла на его левый берег, чему, возможно, соответствовала и какая-то политическая дифференциация, а затем потомки их переселенцев вместе с группами правобережного населения стали двигаться на север, в верховья Днепра. По мере этого продвижения отпочковывавшиеся группы славян консолидировались в территориальные образования, возникавшие разновременно и в разное время переживавшие эпоху своего расцвета.

Этот этап расселения, отраженный в летописном рассказе, привел в конце концов к формированию известных нам по археологическим материалам "племен". Если посмотреть, однако, на карту племенных височных колец, по которым и определяются эти "племена", то окажется, что она далеко не покрывает всей территории Русского государства, известной по летописи, и даже всей восточнославянской территории, известной по археологическим материалам. Уже из одного этого наблюдения напрашивается вывод, что первый этап славянского расселения в Восточной Европе не привел к образованию известной нам по летописи территории Русского государства, а лишь образовал его ядро, вокруг которого в процессе развития этого государства выросли новые территории, как раз те, где нет так называемых племенных типов височных колец. Это ростово-суздальское Ополье, костромское Поволжье, Белозерье и, наконец, Новгородская земля, поскольку на ее пространствах "племенной", тип височных колец отсутствует или, по крайней мере, не способствует выделению "племени" новгородских словен.

Археологический критерий "новгородских словен" - ромбоштитковые височные кольца - сформировался не на Ильмене, а на юге, в пределах Смоленской земли и типологически связан с кривичскими завязанными височными кольцами ⁴⁶⁾. Так что, если судить о племени новгородских словен по ромбоштитковым кольцам, то следовало бы говорить об их расселении не только в пределах Новгородской, но и Смоленской земли, что уже само по себе бессмысленно.

Жители ростово-суздальского Ополья и костромского Поволжья носили в XI в. перстнеобразные височные кольца, восходящие к височным кольцам полян. Здесь же распространены подкуранные ямные погребения, характерные для полян. В ростово-суздальском Ополье известны и землянки южнорусского типа. Ямные погребения зафиксированы и вокруг Новгорода, а почти в самом Новгороде, в Перыни, раскопаны и полуземлянки ⁴⁷⁾.

Выходит, что перед нами на всех этих окраинных территориях оказываются не те

славяне, которые пришли "с Дуная", а их далекие потомки, ведущие линию своего происхождения от уже давно осевших и консолидировавшихся в "племена" словен Среднего Поднепровья, жителей так называемой "Русской земли" с ее тремя центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле. Следовательно, перед нами уже совершенно новый этап расселения восточных славян, вызванный новыми условиями их существования на Среднем Днепре и связанный с иными причинами, чем первоначальное расселение. Скорее всего, это новое расселение вызвано рождением классовых форм эксплуатации в киевском обществе, от которой население и бежит на север и северо-восток в поисках новых территорий. Но может быть, это расселение, напротив, происходило под эгидой князей?

---

⁴⁶⁾ В.П. Левашева. Височные кольца. Сб. "Очерки по истории русской деревни" - "Труды ГИМ". вып. 43. М., 1967, стр. 24-25.

⁴⁷⁾ В.В. Седов. Поселение XII - начала XV в. на Перыни. "Краткие сообщения ИИМК АН СССР", вып. 62, 1956, стр. 108-118.

-46-

В поисках ответа на этот вопрос мы обратили внимание на весьма своеобразную структуру трех отчин Ярославичей в конце XI в. ⁴⁸⁾ В это время черниговскому князю принадлежит не только Чернигов с округой внутри Русской земли, но еще и Муром, и Белозерье за ее пределами и, по-видимому, Тмутаракань. Переяславскому князю помимо Переяславля принадлежат еще Ростов с Суздаем. Таким образом, метрополии внутри Русской земли имеют еще и свои колонии, отделенные от них не только большими, но и не подвластными князю пространствами. В тех же отношениях, в которых находятся Переяславль и Чернигов со своими дальними владениями, находится Киев с Новгородом, где киевские князья держат своих сыновей.

Но Киев связан еще и с Туровом, куда сажают старшую ветвь княжеской семьи, и именно туровские князья занимают затем киевский стол. Чем вызвано такое возвышение Турова, а не Чернигова или Переяславля? Если теперь вспомнить, что Туров не входил в границы первоначальной Русской земли, что находящиеся за пределами этой земли колонии Чернигова и Переяславля являются как раз теми территориями на которых отсутствуют свои племенные типы височных колец, встречаются перстнеобразные височные кольца, распространенные по всей "Русской земле" Среднего Поднепровья, то мы уже не удивимся когда обнаружим в туровской земле дреговичей и ямные "русские погребения", и особый тип дреговичьского височного кольца, представляющего всего лишь разновидность перстнеобразного височного кольца Русской земли. Встречаются здесь и только здесь и трехбусинные височные кольца, типологически также восходящие к киевским трехбусинным височным кольцам. Иными словами, напрашивается мысль о том, что территория дреговичей является такой же областью русской колонизации, как Ростов или Кострома, и поэтому-то туровский стол так же тесно связан с Киевом, как и Новгород, или Ростов - с Переяславле, а Муром - с Черниговом.

За исключением Турова, все остальные города на севере и северо-востоке, включая и Смоленск, есть как раз те места, где наиболее сильно вече, где князь не обладает всей полнотой прав, в отличие от столиц Русской земли, где он гость, а не постоянный житель где правят его сыновья, а не он сам (это относится и к Турову). На юге княжий двор находится в центральной крепости, а здесь - в Новгороде, Смоленске, Пскове - вне ее стен, а в ростовском Ополе по тем же причинам Владимир Мономах переносит вообще свой двор на Клязьму и основывает там свой княжеский город, противопоставляя его боярско-вечевому Ростову. Видимо, все это свидетельствует о каких-то иных первоначальных

основах политической жизни этих городов, чем в трех южных столицах, и князья играют здесь иную, менее самостоятельную роль, хоть без них нельзя обойтись и здесь, в условиях вечевого строя.

Это и позволяет утверждать, что освоение севера и северо-востока происходило первоначально не под эгидой князя, не под его руководством, а самостоятельно, в процессе ухода населения из "Русской земли". Однако и уйдя сюда, на свободные земли, это население не смогло освободиться от зависимости, и потому переяславские, черниговские и киевские князья имеют определенные позиции в "своих" далеких колониях. В одних случаях, как в ростовском Ополе, князья укрепили эти позиции, в других, как в Новгороде, этого им сделать не удалось.

---

⁴⁸⁾ М.Х. Алешковский. Структура отчин трех Ярославичей (по данным археологии и "Повести временных лет"). Сб. "Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа". Л., 1967, стр. 41-43.

-47-

Исходя из изложенной схемы второго расселения на севере и северо-востоке, возможно утверждать, что славянский центр на Волхове был основан южнорусскими колонистами без князя, не для князя и до его появления здесь. Именно поэтому кончанская структура власти оказывается, как это давно подмечено исследователями, органической для Новгорода, а княжеская сотенная структура власти оказывается как бы уложенной сверху на эту первоначальную кончанскую.

Говоря о славянском центре на Волхове, мы в хронологических рамках начальной истории Новгорода, разумеется, имеем в виду лишь один из его исходных поселков - Холм (Славно). Славяне в процессе расселения на севере обычно выбирали правые, высокие берега рек, изобилующие естественно защищенными мысами и холмами. На Руси известно несколько городов, именуемых Холмами: Холм на Ловати, в пределах Новгородской земли, южнее Новгорода, т. е. на пути днепровских славян к Ильменю, Холм в Смоленской земле, Холм в Галицкой земле, Холм в Белоруссии. В районе интенсивной новгородской колонизации хорошо известно поселение Холмогоры ⁴⁹⁾. Наконец, древнее самоназвание этого поселка - Холмгород, включающее в себя еще один чисто славянский термин "город", дополняет картину, характеризуя Холм или Славно славянским поселением. Будучи славянским центром на Волхове, Славно в своем названии отражает этноним той сложной по своему происхождению группы славян, которые, придя на Волхов, "прозвались своим именем", т. е. общеславянским именем. Они водворились на севере не как какое-то обособленное и давно сложившееся "племя". К тому же они сразу попали в инородное окружение и им не надо было подыскивать себе имя, которое отличило бы их от таких же славян, какими были и они сами.

Перейдем теперь ко второму члену новгородской федерации - кривичам. Как ни странно выглядит мысль о Новгороде как о городе, в котором жили и кривичи, остановимся тем не менее на некоторых наблюдениях, приведших нас к этой мысли.

В этой связи привлекает внимание деятельность полоцкого князя Всеслава (1044-1101 гг.). О многих князьях раннего времени мы знаем только по описанию их походов, рассказы же о другого рода их деятельности, как правило, отсутствуют в летописи. Вообще походы князей того времени, мотивы которых или не объяснены или затуманены летописцем, тем не менее производят впечатление вполне мотивированных действий, подчиненных каким-то трудно уловимым для историка, но все же существовавшим закономерностям. Эти закономерности, как часто можно уяснить, относятся к области наследственного княжого права, и, когда князь решается на поход, то он ищет в этом

княжеском моральном кодексе своего оправдания, мотива. Так, по-видимому, было и с Всеславом, которого летописец назвал кровопролитным, оставив за текстом причины, по которым Всеслав вынужден был проливать кровь. Между тем, если полностью доверять летописцу, явно пристрастному к Всеславу, нам станет непонятной та симпатия, которой Всеслав пользовался не только в широких кругах киевлян, освободивших его из заключения и посадивших его своим князем, но и в таком оплоте тогдашней кажим был Киево-Печерский монастырь⁵⁰⁾. Следовательно, в

⁴⁹⁾ Это название звучит, как тавтология, невысказанная для первоначального имени города (соединение двух слов, выражающих одно и то же понятие - холм и гора). Поэтому гораздо убедительнее видеть в Холмогорах измененное первоначальное Холмгород, восходящее к новгородскому топониму.

⁵⁰⁾ Вспомним, что Антоний Печерский был сослан Изяславом в Чернигов именно за поддержку Всеслава. См. ПСРЛ, т. 2, изд. 2, стлб. 185 (под 1073 г.).

-48-

обществе того времени существовали две совершенно противоположные точки зрения на Всеслава, и одно это заставляет внимательнее приглядеться к его действиям.

Против кого воюет Всеслав? Против Изяслава и его сыновей, и поэтому вполне понятно, что в летописи, не разбитой на годы и составленной в светских кругах, близких к Изяславу и использовавших его информацию⁵¹⁾, фигура Всеслава очернена. Однако за что же Всеслав так упорно борется? На Киев у него нет никаких прав, он даже бежит с его стола, на который возвели его киевляне. Не претендует Всеслав и на остальные столы к югу от Полоцка, хотя, если бы он и в самом деле был таким безрассудно кровопролитным князем, то ему было бы все равно куда направить свое войско - в Туров или Псков, в Чернигов или Новгород, на Овруч или Смоленск. Однако он стремится только в Псков (1065 г.), Новгород (1066 г. и конец 1060-х годов) и Смоленск (около 1077 г.)⁵²⁾. И в этой направленности походов Всеслава нельзя не усмотреть известной последовательности. На Псков и Смоленск он может иметь право как на кривичские города: ведь Полоцк тоже кривичский город, как о том пишет и летопись⁵³⁾; следовательно, пытаясь овладеть Псковом и Смоленском, Всеслав стремится всего лишь к реставрации былого единства всех кривичей.

Но в таком случае и Новгород, за который он борется с особым упорством, оказывается таким же кривичским городом, поскольку именно он был столицей некогда существовавшей федерации племен, включавшей и кривичей. Именно за Новгород боролся и отец Всеслава Брючислав с Ярославом Владимировичем, а о том, что эта борьба опиралась на справедливые мотивы, свидетельствует то обстоятельство, что Ярослав, несмотря на свою победу над Брючиславом, все-таки вынужден был отдать ему два кривичских города Витебск и Усвят⁵⁴⁾. Реставрационная окраска этих мотивов не составляет исключения в X-XI вв. Вспомним поход Ярослава на чудь, когда-то входившую в ту же федерацию племен. Что это - просто завоевательная война или попытка вернуть отпавшую от Русского государства область? Таковы и более поздние походы новгородцев на емь и корелу, на сысол; это не новые завоевания, а реставрация, которой вдохновлялись тогдашние политики. А походы киевских князей X в. на соседние племена? Думается, и они вдохновлялись прекрасно известными сведениями о былом единстве всех восточных славян, так же как и сведения о Дунае как о "середе" славянской земли вдохновляли деятельность Святослава и походы Мономаха в 1116 г.

Считаем, что Всеслав и был таким "реставратором" и вдохновлялся идеями былого единства кривичей, рассматривая Псков, Новгород и Смоленск как принадлежащие ему по

праву города ⁵⁵⁾.

⁵¹⁾ М.Х. Алешковский. Первая редакция "Повести временных лет". - "Археографический ежегодник за 1967 год". М., 1969.

⁵²⁾ О походе на Псков см. А.Н. Насонов. Указ, соч., стр. 87. Поход на Смоленск упомянут в Поучении Мономаха, на Новгород - в НПЛ.

⁵³⁾ ПСРЛ, т. 2, изд. 2, стлб. 14 (под 862 г.).

⁵⁴⁾ ПСРЛ, т. 5. Пг., 1925, стлб. 123 (под 1029 г.).

⁵⁵⁾ Неожиданное подтверждение этой мысли находим в саге о Тидреке Бернском, составленной в середине XII в., но отразившей факты более ранних времен. В ней Русским государством называется земля со столицей в Холмгарде, (Новгороде) и главными городами - Смоленском и Полоцком. См. текст саги в статье А. Н. Веселовского "Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском" (ИОРЯС, т. XI, кн. 3. СПб.. 1906, стр. 134-136, 169). Отметим также, что в наше время, говоря о Руси, историки обычно преуменьшают значение Полоцка и противопоставляют только Киев и Новгород как два главных города. Между тем, с точки зрения героев Эймундовой саги, вся

Но если в Новгороде еще во времена Всеслава жили кривичи, то в его культуре должны были отразиться какие-то свойственные им черты? Сразу скажем, что кривичских височных колец в Новгороде при раскопках не найдено. Но много ли вообще сельских украшений находят в городских слоях? Ничтожно мало или не находят совершенно. Поэтому наши поиски направляются в лингвистическую область, поскольку хорошо известно, что для кривичского Пскова и его округа характерно употребление "г" и "к" перед "л" на месте древних "д" и "т". Встречаются ли эти особенности и в Новгороде?

Л. И. Соболевский в свое время недоумевал по поводу одного случая такой же фонетической особенности, встретившейся ему в Новгородской летописи под 1228 г.: "пльсковизи же тогда бяху подъвегли немци и чудь" ⁵⁶⁾. Автор осторожно писал: "Как видно из нашей выписки, рассказ идет о псковском событии, и поэтому мы не рискуем приписывать форму "подъвегли" древнему новгородскому говору" ⁵⁷⁾. Вполне понятная осторожность, но что же в таком случае получается? Новгородец переписал эту фразу из Псковской летописи? Но псковское летописание началось позже 1228 г., и письменного псковского источника у новгородца быть не могло ⁵⁸⁾. Может быть, новгородец занес эту фразу в летопись со слов слов псковича? Но странно, что он так точно ее передал, сохранив чисто псковскую особенность.

Все эти вопросы мы не решились бы задать себе, если бы известная А.П. Соболевскому фраза была единственным свидетельством бытования псковских кривичских фонем в Новгороде. Однако под 1135 г. в Новгородской 4-й летописи А.А. Шахматов нашел еще один случай такой же фонемы: "сильно бо възмяклася земля Русская" ⁵⁹⁾. Снова случай замены "тл" на "кл" в Новгороде. А.А. Шахматов привел и третий такой случай - в Хлудовском списке XVI в. Стоглава, в котором нет псковских особенностей, но в изобилии встречаются северорусские детали, что позволило исследователю говорить о том, что кривичский говор был известен и в области новгородской колонизации на Северной Двине ⁶⁰⁾.

Так вторично, хотя и в сугубо предварительной форме, выясняется, что кривичи жили не только в Пскове и Смоленске, но и в Новгороде ⁶¹⁾. В связи с этим опять встает на повестку дня старый вопрос о "новгородизмах". т. е. об ономастических, топонимических и лингвистических особенностях, которые не встречаются на среднем Днепре, откуда пришли словене, и, следовательно, занесены в Новгород не с юга, восходят не к культуре

днепровских славян, а к культуре других контингентов новгородского населения.

В XIX в. многие ученые последовательно говорили о балтийско-славянской колонизации Северной Руси, связывая даже самих варягов и

Русь делилась на три части - Новгород, Полоцк и Киев. В связи с этим понятно, почему в XI в. Софийские соборы имелись только в этих трех городах и нигде больше, что отражает соперничество трех центров даже в области церковного строительства.

⁵⁶⁾ НПЛ, стр. 66.

⁵⁷⁾ А.И. Соболевский. Важная особенность старого псковского говора. "Русский филологический вестник", т. 62. Варшава, 1909, стр. 234.

⁵⁸⁾ А.Н. Насонов. Из истории псковского летописания. "Исторические записки", т. 18. М., 1946, стр. 287-292.

⁵⁹⁾ А.А. Шахматов. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры. "Русский филологический вестник", т. 69. Варшава, 1913, стр. 5.

⁶⁰⁾ А.А. Шахматов. Указ. соч., стр. 6.

⁶¹⁾ Отметим, что еще в 1852 г. П. Лавровский в своем известном исследовании "О языке северных русских летописей" (СПб., 1852, стр. 138) пришел к выводу, что многие специфические особенности языка новгородских летописей характерны и для документов смоленской истории XIII в.

династию Рюрика не со скандинавами, а с балтийскими славянами. ⁶²⁾ Аргументация этих исследователей была, как правило, очень наивной отражая уровень науки того времени, почему и подверглась серьезной критике ⁶³⁾, а затем и исчезла со страниц исторических трудов; вместе с тем был забыт и сам тезис о балтийско-славянской колонизации. Однако в 1922 г. в защиту этого тезиса выступил с блистательной, по нашему мнению, статьей Н. М. Петровский, который привел массу новых и очень серьезных аргументов, никем пока не оспоренных и, более того, находящих подтверждение в ряде исследований ⁶⁴⁾. Н.М. Петровский обратил внимание на некоторые особенности языка балтийских славян. К их числу относится широкое распространение в Новгороде имен на -ята -ата (типа Гостята, Вышата, Петрята и т. д.), западнославянских Ян (Иван), Матей (Матвей), Варфоломей (Бартоломей) и т. п., переход "о" в "во" (Ореховец - Вореховец), Микула (вместо Николай) и многие другие словоупотребления, не встречающиеся на юге и распространенные только у балтийских славян и новгородцев ⁶⁵⁾.

Допустимо предположить, что все эти новгородизмы - плод контакта словен с местным неславянским населением. Но все дело в том, что указанные фонемы встречаются и в славянской среде, но не на Руси, а Польше, у балтийских славян, что и заставило многих исследователей считать новгородцев потомками балтийских славян. В Новгороде следы культуры балтийских славян известны и в археологических материалах: так, конструкция вала 1116 г. в Детинце, раскопанная недавно, имеет точные аналогии только у балтийских славян и совершенно неизвестна на Днестре ⁶⁶⁾.

Следовательно, все эти новгородизмы, хотя и не принесены с Днестра, тем не менее являются славянскими по своему происхождению. Каким же образом балтийские славяне оказались в Новгороде? Заметим, что речь идет именно о балтийско-славянском контингенте новгородского населения, а не о заимствовании новгородцами у балтийских славян отмеченной специфики своей культуры в процессе торговых или политических связей, что представляется невероятным. Такая постановка вопроса заставляет вспомнить важную особенность летописного рассказа о расселении славян.

Среди племен, образовавшихся из пришедших на средний Днепр славян, не

упоминаются кривичи ⁶⁷⁾. Случайность? Но, если мы обратимся к второму перечислению "славянского языка" (т. е. народа, пришедшего с Дуная) ⁶⁸⁾, то снова среди племен, составляющих этот "язык", не найдем кривичей. Нет среди этих племен и радимичей с вятичами, о ляхском (польском) происхождении которых прямо говорит летопись ⁶⁹⁾. К сожалению, о происхождении кривичей она молчит. Иногда ее слова о местах проживания кривичей переводят как свидетельство происхождения кривичей от полочан, пришедших с Дуная, и поэтому считают, что говоря о полочанах, летописец имеет в виду и кривичей ⁷⁰⁾. Прочтем это

⁶²⁾ М.Т. Каченовский. О времени и причинах вероятного переселения славян на берега Волхова. "Уч. зап. Московского университета", 1834. № 9; С. Геденов. Варяги и Русь. т. 1 - 2. СПб., 1876, и мн. др.

⁶³⁾ См., напр., И. Первольф. Варяги, Русь и балтийские славяне. ЖМНП. ч. 142, СПб.. 1877.

⁶⁴⁾ Н.М. Петровский. О новгородских "словенах". ИОРЯС. т. 25. Пг., 1922.

⁶⁵⁾ Более подробную сводку см.: В.Б. Вилинбахов. Балтийские славяне и Русь. "Slavia occidentals", т. 22, 1962, стр. 253-276.

⁶⁶⁾ М.Х. Алешковский. Новгородский детинец 1044 - 1430 гг., стр. 15.

⁶⁷⁾ "Повесть временных лет", ч. 1, стр. 11.

⁶⁸⁾ Там же, стр. 13.

⁶⁹⁾ Там же, стр. 14.

⁷⁰⁾ С.М. Середонин. Историческая география, стр. 138.

место: "... а другое на Полоте, иже полочане. От них же кривичи, иже седять на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же град есть Смоленск, ту де бо седять кривичи. Также север от них" ⁷¹⁾. Если последнюю фразу о северянах переводить так же, как и фразу о кривичах, то получится, что северяне произошли от кривичей, а эти последние от полочан, что невероятно. Летописец просто хочет сказать, что на север и восток от полочан живут кривичи, а далее от кривичей - северяне.

Итак, кривичей нет в летописных перечислениях племен славянского языка, пришедших с Дуная. Значит ли это, что кривичи - вообще не славяне? Если не знать о балтийско-славянском контингенте населения Новгорода, если не связывать кривичей с культурой длинных курганов, распространившихся от Пскова на юг, к Смоленску, с VI по X в. ⁷²⁾, если не помнить о радимичах и вятичах, которых также нет в летописном перечислении славянского языка, но которые, по летописи, происходят от ляхов, то, пожалуй, кривичей и можно было бы признавать неславянами, тем более, что их имя происходит от имени литовского бога Криве, а культура длинных курганов не имеет чисто славянского облика. Но если все это знать и учесть, что балтийские славяне в своем движении с запада на восток должны были пройти через неславянские массивы племен и осесть среди этих массивов, подпав под влияние их культуры, то неизбежно следует признать кривичей славянами и считать их одними из первых поселенцев в Новгороде ⁷³⁾.

Длинные курганы встречаются в Новгородской земле, есть они и в нескольких десятках километров от Новгорода, так что население, оставившее эти курганы, в любом случае оказывается и среди поселенцев, основавших город на Волхове. Связывать этих поселенцев с Людиным поселком возможно не только путем исключения, но и потому, что главная улица древнего Людина конца называлась Прусской, т. е. этнонимом, перенесенным в Новгород волной миграции с запада. Любопытно, что позднейшая новгородская традиция сохранила воспоминание об одной из прародин новгородцев,

когда в легенде о призвании князя устами новгородского старейшины Гостомысла отправляла послов за князем "з Прусскую землю, в город Малборк" ⁷⁴⁾.

Нет нужды так же подробно останавливаться на характеристике третьего члена федерации - контингента угро-финнов. Их археологические следы в городе уже отмечены выше. Отметим лишь одно важное обстоятельство. В. Н. Бернадский убедительно показал, что копорские князья и карельские валиты принадлежали к сословию новгородских великих бояр, избираясь на высшие магистратские должности в Новгороде ⁷⁴⁾. Исследователь сделал из этого заключение, что "и в XIV в. ряды новгородского боярства пополнялись за счет феодализирующейся племенной знати" ⁷⁶⁾. Нам такой вывод представляется невероятным: боярство Новгорода было аристократической кастой и, следовательно, не пополнялось. Отсюда очевидно, что угро-финская племенная знать с самого начала была компонентом новгородской аристократии. Этнонимическое значение названия Неревского конца уже отмечено выше.

---

⁷¹⁾ "Повесть временных лет", ч. 1. стр. 13.

⁷²⁾ В.В. Седов. Кривичи. "Советская археология", 1960, № 1.

⁷³⁾ Выдающийся археолог А. А. Спицын считал первых поселенцев в Новгороде "славянам-п-кривичами". видимо, исходя из широкого распространения в Новгородской земле кривичских курганов. См. "Записки РАО", т. XIII. СПб., 1913 стр 356

⁷⁴⁾ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 231.

⁷⁵⁾ В.Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М - Л., 1961, стр. 120-123, 157, 158.

⁷⁶⁾ Там же, стр. 158.

Обратимся теперь к тому тексту легенды о призвании варягов, который сохранился в новгородском летописании. Это не первоначальный вид текста, возникшего в Киеве в 1070-х годах, а затем вошедшего в "Повесть временных лет" и в ее составе включенного в новгородский свод Мстислава около 1116 г. Впоследствии этот первоначальный текст подвергся новгородской переработке с помощью редакторского текста "Повести временных лет" 1119 г., попавшего в Новгород в конце 1220-х годов и использованного при составлении владычного свода Антония ⁷⁷⁾ Так или иначе, перед нами новгородская версия легенды о призвании варягов. Рассмотрим эту версию и выясним, чем она отличается от Киевской и в какой мере эти отличия приближают ее к действительности тех лет, когда Новгород еще только начинался.

"Въ времена же Києва и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици, и Меря: Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своим родом владыше; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом от мужа по белей веверици; а иже бях у них, то ти насилье деяху Словеном, Кривичем, и Мерям и Чюди. И вьсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами себе и города ставити. И вьсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вьсташа град на град, и не беше в них правды. И реша к себе: "князя поищем, иже бы владел нами и рядилъ ны по праву". Идоша за море к Варягом и ркоша: "земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к нам княжить и владеть нами". Изьбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И седе стареишии в Новегороде, бе имя ему Рюрик, а другыи седе на Белеозере, Синеус; а третей в Изборьске, имя ему Трувор. И с тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска". ⁷⁸⁾

Сразу видим, что если киевская версия приписывала основание Новгорода Рюрику, то, по новгородской версии, Новгород уже существовал, когда призвали Рюрика. И призвали его сами новгородцы, "рекомии Словене, Кривици, Меря". Новгородцами, киевлянами, смолянами и т. д. в XI - XIII вв. всегда называли только самих горожан, а не жителей всей земли; поэтому из приведенного текста легенды вытекает, что новгородский летописец, переделывая киевскую версию, в которой ни о каких новгородцах речи не было, считал словен, кривичей и мерян жителями одного города, новгородцами. Таким образом, наша гипотеза о смешанном этническом составе населения Новгорода получает неожиданную поддержку со стороны новгородца начала XIII в., а если принять версию А.А. Шахматова о первоначальности текста Новгородской летописи по отношению к Ипатьевской и Лаврентьевской, то окажется, что с самого начала считалось, что славяне, кривичи и меряне - это жители первоначального Новгорода. Однако согласиться с А.А. Шахматовым нельзя хотя бы потому, что слова о словенах, кривичах и мерянах выглядят как вставка в текст о платящих дань новгородцах. Если слова о племенах убрать из новгородского текста, то сообщения о новгородцах и дани соединятся в одно предложение. В киевском тексте такого противоречия нет, поскольку нет слов о новгородцах, а сначала сказано о северных племенах и об уплате ими дани варягам под 859 г., а затем под 862 г. этот рассказ продолжается и о северных племенах говорится в третьем лице как о "них". Однако киевский текст - это не текст автора "Повести вре-

---

⁷⁷⁾ М.Х. Алешковский. Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. Сборник "Летописи и хроники памяти А. Н. Насонова" (в печати).

⁷⁸⁾ НПЛ, стр. 106.

менных лет", а текст его редактора 1119 г., который разбил первоначальный рассказ автора на годы, почему сейчас в киевском тексте под 862 г. фраза начинается с соединительного союза "и" и в ней племена названы в третьем лице ⁷⁹⁾.

Так ли уж неправ был новгородец XIII в., когда он представлял себе словен, кривичей и мерю городскими жителями, новгородцами? Попробуем, отрешившись от его текста, проанализировать киевский рассказ и представить, что речь в нем идет не о городских жителях - словенах, кривичах и мерянах, а о населении бескрайних просторов севера Восточно-Европейской равнины. Итак, эти просторы входят в федерацию племен, славянских и неславянских. Но у федерации должна быть какая-то столица. Новгородец начала XIII в. разумно видит в такой столице Новгород. Далее, если федерация изгоняет варягов, то из этого следует предполагать необычайное единство действий жителей бескрайних просторов, единство, возможное только в том случае, если представители этих племен живут в одном центре. Таким центром новгородец и считает Новгород.

Если признавать верными слова киевской версии о том, что словене, кривичи и меря имели свои волости, т. е. жили отдельными и отграниченными друг от друга племенами, то такое предположение встанет в противоречие с нашими современными представлениями об исключительной чересполосице славянского и неславянского населения на всем пространстве Севера. Можно ли говорить, зная об этой чересполосице, что в рассматриваемое время существуют отдельные племенные образования, причем в одних случаях смешанное население называется словенами, а в других - мерей? Если же представить себе, что в Новгороде несколько контингентов населения пока еще не объединены по этническому признаку, о чем и говорит нам топонимика древнего города, то словен, кривичей и мерю следует понимать не как сельских жителей, а как горожан. И снова новгородец ближе к истине, чем киевский летописец, понявший легенду о

Новгороде на свой лад. Ведь в Южной Руси действительно существовали отдельные "племена". Добавим только, что это были этнически однородные "племена" полян, дреговичей, северян, а не смешанное население северных пространств.

Далее, известно, что в X - XI вв. дань варягам шла именно с Новгорода, а не со всей его земли, и платили эту дань сами новгородцы. А по киевской версии выходит, что варяги собирали эту дань с разных племен, с сельского населения, так, как ее собирали киевские князья и их дружинники. И опять выходит, что новгородец более прав, считая, что дань взималась с Новгорода.

Представим себе, далее, что эти племена изгнали варягов и между ними начались распри. Казалось бы, что эти распри должны неизбежно привести к распаду федерации, к отделению племен друг от друга, к образованию их центров. Однако федерация почему-то не распадается. Напротив, враждующие роды принимают совместное решение призвать нового варяжского князя, котсый правил бы этой федерацией "по праву". И снова прав наш новгородец, когда он считает, что подобные действия подобная сплоченность могли быть проявлены словенами, кривичами и мерянами только в том случае, если они были не отдельными племенами, а отдельными частями: одного города, которые уже не могли разойтись, а вынуждены были развиваться вместе и потому не нашли иного выхода, как в призвании князя, облеченного задачей примирить враждующие стороны.

---

⁷⁹⁾ "Повесть временных лет", ч. стр 18; ПСРЛ, т. 2, изд. 2, стлб. 14.

"И всташа град на град", - пишет новгородец вместо слов киевлянина о том, что "вста род на род". Но ведь мы уже знаем, что Новгород первоначально состоял из нескольких городов. Не о них ли и говорит нам новгородская версия? Тем более, что трудно представить себе зачем надо было воевать племенным центрам, если бы они существовали в удалении на сотни километров один от другого. Им проще было бы разойтись, а не воевать за призрачную власть в расползающейся федерации племен.

Но Новгород, его крепость, возник позже городов - его предшественников. Факт его возникновения, на наш взгляд, также стал составной частью новгородской летописной версии. В киевском рассказе просто говорится, что, выгнав варягов, племена "почаша сами в себе володети", а в Новгородской летописи к этому прибавлено: "и города ставити". Следовательно, правление варягов тормозило градостроительство; варягам города не были нужны, им нужна была дань. Наоборот, их изгнание привело к необходимости или сделало возможным такое градостроительство. И не в этот ли момент и был построен первоначальный Новгород на левом берегу Волхова как символ нового единства всех городских поселков на Волхове, единства, которое, однако, не привело к установлению местной власти избранного "из себя" князя, а повлекло лишь его призвание из варягов? Если под этими городами понимать не Новгород, а Псков, Полоцк, Смоленск и Ростов, то, во-первых, появление таких городов привело бы к распаду федерации, а варяги не были бы призваны; во-вторых, если бы эти города уже существовали к моменту призвания варягов, то их князья сели бы не в не известных никому Изборске и Белоозере, а в Пскове и Ростове; в-третьих, в первоначальном тексте легенды в Ипатьевской летописи сохранилось сообщение о том что Рюрик не просто раздал своим мужам волости, но это было сделано с условием "и города рубити", а сами такие города перечислены: Полоцк, Ростов и Белоозере⁸⁰⁾. Их, следовательно, не было до призвания варягов, поэтому сведения легенды об Изборске и Белоозере (в котором археологам не удалось найти города X в.) явно сочинены в XI в.

Как видим, новгородская версия начала XIII в. о происхождение Новгорода резко

отличается от первоначальной киевской записи не только "удревнением" существования Новгорода, не только утверждением его независимого от князя происхождения, но и такими деталями, которые исправляют неверное представление киевского летописца о какой-то группе племен, способной, несмотря на разъединяющие их огромные пространства, сплоченно действовать против варягов, сплоченно призывать их снова, сооружать свои собственные города не затем, чтобы разъединиться, а чтобы снова объединиться и т. д.

Картина событий, по киевской версии, необычайно противоречива с точки зрения наших представлений о смешанном этническом составе населения лесного севера. Напротив, новгородская версия, сводя все эти события к территории одного города, к его бурлящей политической жизни, устраняет и объясняет противоречия киевского текста. Мы не знаем, явилась ли эта переработка результатом использования каких-либо местных источников, в частности, того самого предания, которое, попав в Киев, было неправильно переосмыслено тамошним летописцем, исходившим из своих представлений о южнорусских консолидированных "племенах", имевших и свои "грады", и своих князей, или же такая переработка была определена знакомой новгородцу политической и этнической картиной жизни его города в начале XIII в.

---

⁸⁰⁾ ПСРЛ, т. 2, изд. 2, стлб. 14

Одно можно сказать без колебаний. Если бы северное население было консолидировано в такие же этнически однородные "племена", какие существовали в Южной Руси, то возникновение разноплеменного города, каким нам представляется Новгород, было бы невозможно. Невозможным было бы и создание такой гигантской федерации разных племен. Таким образом, как это ни парадоксально, централизация северного населения диктовалась как раз отсутствием местных центров, тогда как их наличие в Южной Руси, наоборот, задерживало объединение всех "племен" вокруг Киева; их объединение произошло только при первых Рюриковичах, а не до них, как в Новгороде.

С другой стороны, раннее возникновение такого города, как Новгород, сказалось и на всей последующей судьбе градостроительства в пределах Новгородской земли и на особенностях социального состава населения самого Новгорода. На огромных пространствах Новгородской земли практически почти нет городов, кроме Пскова, Ладоги, Руссы и Торжка, расположенных на ее окраинах и бывших пригородами Новгорода. В то же время в Южной Руси таких городов десятки. Объясняется это, по-видимому, тем, что новгородская боярская знать с самого начала жила в Новгороде и не строила своих городов. Новгород, как показывают раскопки, был городом не ремесленников и торговцев, а богатых бояр-землевладельцев, имевших обширные владения во всей земле, но живших в Новгороде, где они держали своих ремесленников и торговых людей для обработки и реализации тех природных богатств, которые поступали к ним из их владений. Их пребывание в Новгороде было необходимо и для участия в федеративных органах власти, и в борьбе за эту власть, дававшую в их руки новые денежные и земельные богатства. Именно концентрация в самом Новгороде всей боярской знати необъятной Новгородской земли и не позволила прочно обосноваться здесь ни первым Рюриковичам, ни их потомкам, определив тот своеобразный политический строй, которым Новгород отличается от других Русских городов.

Кроме рассмотренных выше трех разноэтничных контингентов возникающего Новгорода, в легенде упомянута еще и чужь. Текстологически это упоминание выглядит

как вставка, поскольку чудь не названа в первом перечислении "новгородских людей". Исключая поэтому чудь из числа горожан, мы получаем представление о трех этнических, а соответственно и политических компонентах, из которых возник город. В предыдущем разделе статьи были приведены материалы, свидетельствующие о существовании именно трехчленной структуры первоначального Новгорода. Добавим к этому, что, согласно летописному показанию, Игорь "устанавливает" дань варягам опять от тех же словен, кривичей и мери, а чудь в этом рассказе не упомянута ⁸¹⁾.

Как же образовались три древнейших городских конца? Говоря сейчас о концах Новгорода, мы подразумеваем его отдельные части. Однако при своем образовании это были, по-видимому, еще не подразделения целого, а, напротив, совокупности отдельных поселков и усадеб - то, что называлось концом в Новгородской земле еще в XV в.: группа нескольких деревень, объединенных в административное целое ⁸²⁾. Следовательно, Новгород по мере своего роста не распадался на концы,

---

⁸¹⁾ НПЛ, стр. 107.

⁸²⁾ Б.Д. Греков. Новгородский дом святой Софии, ч. 1. СПб., 1914, стр. 291.

а образовался из этих концов. Отсюда и первоначальность его федеративного устройства, и несоответствие его структуры княжеской с администрации, и изначальность первой по отношению ко второй.

Раскопки обнаружили существование на месте исследованного 1951 -1962 гг. участка Неревского конца двух первоначальных поселков, которые лишь по мере своего расширения слились со временем в одну улицу. ⁸³⁾ До этого их разделял пустырь, постепенно застроенный с обеих сторон. Каждый конец и был первоначально совокупностью таких отдельных, видимо, родовых поселков, ⁸⁴⁾ что определило и федеративность внутреннего устройства самого конца. Ведь и в концах были свои вече, ⁸⁵⁾ которые, в свою очередь, не составляют низшей ступени системы вечевого строя, поскольку известно и об уличанских вечевых сходках. Возможно, демократичность состава вечевых собраний увеличивалась от общегородского к кончанским и далее к уличанским вечам.

Между прочим, кончанские организации также восходят, как предположил А.В. Арциховский ⁸⁶⁾, к балтийским славянам, у которых имелись общественные здания контини - центры отдельных частей города ⁸⁷⁾. Концы прослеживаются и в Пскове, Руссе, Ладоге, Кореле, Ростове, Смоленске, однако сомнительно, чтобы они были и в других городах древней Руси. О московских концах мы ничего не знаем, кроме позднего упоминания Острого конца ⁸⁸⁾; Копырев конец в Киеве - всего лишь действительно окраинный конец городской территории ⁸⁹⁾.

Вече Людина конца собиралось у церкви Бориса и Глеба в Детинце ⁹⁰⁾, вече Неревского конца - у церкви Сорока святых ⁹¹⁾, вече Славенского конца - у церкви Николы на Дворище ⁹²⁾. О местах сбора веч Загородского и Плотницкого концов ничего не известно, что само по себе достаточно показательно.

Где же собиралось общегородское вече? На первый взгляд, это хорошо известно, поскольку летопись не раз говорит о сходках на Ярославовом дворище. Но у нас имеются и ее свидетельства о сборах в Детинце, перед Софийским собором.

До сих пор на Ярославовом дворище, несмотря на значительные раскопки этой

территории, не обнаружено остатков вечевой площади.

⁸³⁾ П.И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. "Материалы и исследования по археологии СССР", № 123. М., 1963, стр. 86.

⁸⁴⁾ На родовой характер таких поселков указывает единая принадлежность большинства усадеб "южного поселка" Неревского конца: три усадьбы в нем принадлежали боярской семье Мишиничей (в XIV-XV вв.), составляя лишь северную часть более значительной территории, принадлежавшей этой семье. См. В.Л. Янин. Заметки о новгородских берестяных грамотах. "Советская археология", 1965, № 4.

⁸⁵⁾ Добавим, и свои языческие кладбища. См. А.А. Строков. Дохристианский могильник (По данным археологических раскопок на Ярославовом дворе). "Новгородский исторический сборник", вып. 6. Новгород, 1939, стр. 51-53.

⁸⁶⁾ А.В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. "Исторические записки", т. 16, 1945.

⁸⁷⁾ В свое время об этом писал С. Геденов, но и И. Первольф, сначала подвергнув его точку зрения критике, затем фактически присоединился к ней. В Люнебурге еще в XVIII в. одна большая комната, в которой собиралось начальство, называлась "kuntje" (см. И. Первольф. Указ. соч., стр. 80-81). В более поздней работе И. Первольф писал уже о трех избах-контингах, назначенных для сходок в Щецине (И. Первольф. Славяне и их взаимные отношения и связи. Варшава, 1886, стр. 117, 171).

⁸⁸⁾ А.В. Арциховский. Указ. соч.

⁸⁹⁾ Важно, что концы известны только на территории первоначальной новгородской федерации. Если они и были в Москве и Серпухове, то опять же должны связываться с ляшским происхождением вятичей.

⁹⁰⁾ НПЛ, стр. 262 (под 1220 г.).

⁹¹⁾ Там же, стр. 58 (под 1218 г.).

⁹²⁾ Там же.

Да и сам Ярославов двор занимал не столь большое пространство, как территория, именуемая сейчас Дворищем, значительная часть которой в древности принадлежала Торгу. С другой стороны, Ярославово дворище могло стать местом вечевых сходок не раньше начала XII в., когда князь переместил свою резиденцию на Городище. К тому же следует принять во внимание, что общегородское вече вряд ли могло собираться на территории одного из кончанских веч, а именно такой территорией сделалось с XII в. Ярославово дворище.

В летописях имеется много сведений о вокняжении того или иного князя, о выборах того или иного посадника, об избрании владык. Где происходят все эти действия, входящие в компетенцию веча, летопись не сообщает, поскольку для ее составителей это было само собой разумеющимся. Лишь иногда из косвенных описаний мы узнаем о месте вечевого собрания. Так, в 1199 г. Святослава "посадиша на столе в святой Софии" ⁹³⁾. Очевидно, и другие провозглашения князей происходили там . перед Софийским собором. Здесь же избирают и владыку, о чем летопись сообщает под 1299, 1359 и 1388 гг. ⁹⁴⁾ Когда кого-либо осуждают на вече на смерть, то его свергают с моста через Волхов ⁹⁵⁾, поскольку мост подходит к самому Детинцу; но от Ярославова дворища он далек, и поэтому в нескольких сообщениях о казнях на Дворище не говорится о том, что преступника сбрасывают с моста ⁹⁶⁾. Если же и бросают в Волхов, то не с моста, как в 1230 г. Нам представляется, что все сообщения о вечах на Ярославовом дворище (по крайней мере, до XV в.) отражают исключительные случаи, возникавшие в обстановке восстаний

или распрей, почему летописец и вынужден был говорить о месте сбора таких веч.

Когда же в городе было мирно и спокойно, вече собиралось у Софийского собора. И площадь перед Софией никогда не застраивалась церквями, что видно по ее изображению на иконах. Только так можно объяснить сообщения летописцев о вечевых сходках у Софии и на Ярославовом дворище. Древнейшее и законное место его сбора - у Софии, на общегородской территории, где не живет князь и которая подвластна городу, а не одному из его концов. Если вече с самого начала было общегородским органом власти, то вряд ли стали бы сооружать городской собор в 989 г. в стороне от его территории. Сами размеры каменной Софии тоже говорят о ней как об общегородском, а не исключительно княжеском соборе. Храм как раз и мог вместить в себя всех членов веча, что было не под силу Никольскому собору на Ярославовом дворище.

О расположении постоянного места веча перед Софийским собором свидетельствует и Михайловская икона конца XVII в., сюжет которой посвящен известному событию 1169 г.⁹⁷⁾ Художник подробно изобразил на ней современные ему здания Детинца, построенные только в 1690-х годах, как и бревенчатый вечевой помост, который покрывает площадь перед южным фасадом Софийского собора, хотя такого помоста уже не существовало к моменту написания иконы. Поскольку икона восходит к древним образцам, то с них-то художник и перенес эту важную деталь⁹⁸⁾

⁹³⁾ НПЛ, стр. 44 (под 1199 г.), 69 (под 1230 г.).

⁹⁴⁾ Там же, стр. 90, 365, 381.

⁹⁵⁾ Там же, стр. 24 (под 1136 г.), 26 (под 1141 г.), 38 (под 1186 г.), 50 (под 1209 г.), 327 (под 1291 г.), 347 (под 1337 г.).

⁹⁶⁾ НПЛ, стр. 50 (под 1207 г.), 65 (под 1226 г.), 69 (под 1230 г.), 88 (под 1270 г.).

⁹⁷⁾ П.Л. Гусев. Указ, соч., стр. 15.

⁹⁸⁾ В связи с этим нельзя не вспомнить интересного объяснения этимологии слова "детинец" предложенного еще О. Малковским: "Слово детинец образовано из "дед" и должно писаться "дединец". Ныне еще в польском наречии дединцем называется площадь перед помещичьим двором" (О. Малковский. Критические исследования

Поиски до сих пор не найденной мощеной площади Новгородского веча - не единственная и не самая первостепенная задача археологического изучения древнейшего русского города. Ведь до сих пор изучен, хотя и далеко недостаточно, один лишь Неревский конец. В Славенском конце раскопки велись только на его окраине, а в Людине и Плотницком концах они не велись совершенно.

Между тем изучение всех концов Новгорода диктуется именно встающими теперь перед исследователями задачами, определяемыми совокупным изучением письменных и археологических источников. Наряду с берестяными грамотами уже теперь в нашем распоряжении находится необъятная серия археологических материалов, которые сами по себе не уступают по значению даже документам на бересте. Речь идет, прежде всего, о вскрытых в процессе раскопок усадьбах древних новгородцев. Открытие и изучение комплексов этих усадеб трудно переоценить. В результате их исследования, особенно благодаря подвижническому источниковедческому труду П. И. Засурцева, стало очевидно, что, во-первых, все вскрытые усадьбы существовали из века в век на протяжении пяти столетий на одном и том же месте; во-вторых, их владельцами были во всех случаях землевладельцы, а не ремесленники или торговцы".⁹⁹⁾

Сопоставление обоих фактов приводит нас к выводу о наследственной принадлежности всех этих усадеб одним и тем же боярским родам, начиная с их

основателей, поселившихся по обоим берегам Волхова, и кончая далекими их потомками, современниками "великой русской республики средневековья" XIV - XV вв. Но многозначителен и третий факт, полученный в результате изучения этих усадеб: на их территории жили не только сами землевладельцы, но и вся обслуживающая их челядь - от военных слуг до дворовых ремесленников и, возможно, торговцев. Изучение усадьбы новгородских феодалов позволяет уже теперь, хотя и в самом предварительном виде, представить структуру населения Новгорода.

Основная его масса живет не в самостоятельных дворах, а размещена по усадьбам крупных землевладельцев и сотнями нитей экономически и политически связана с последними. Не случайно в одном из немецких документов 1331 г. прямо сказано, что Новгородом правят "300 золотых поясов". Это число "поясов" как раз примерно равно количеству усадеб Новгорода в пределах его оборонительных валов конца XIV в.¹⁰⁰⁾ Не случайно также, что внутривладельческая борьба в Новгороде всегда приобретала характер борьбы между концами. Ведь боярство одного конца было связано узами единого родового происхождения, а население каждого конца - еще более тесными узами зависимости от своих усадебовладельцев или патронов. Оно могло выступать против бояр из иных концов, но никак не против собственных дворохозяев.

Конечно, этот беглый набросок социальной картины Новгорода страдает существенным недостатком: мы точно не знаем, распределялась ли вся территория города между крупными усадьбами таким же образом

о происхождении Великого Новгорода. "Временник ОИДР", кн. 20. М., 1852, стр. 8 прим. 1). Учитывая легкую замену в новгородских памятниках "д" на "т" (ябедник - ябетник, Будята - Бутята, Водь - Воть) и генетические связи новгородской культуры с балтийскими славянами, не видим ничего невероятного в том, что новгородский Детинец с его вечевой площадью, местом сбора старейшин, действительно был раньше "дединцем".

⁹⁹⁾ П.И. Засурцев. Новгород, открытый археологами, стр. 1 -194.

¹⁰⁰⁾ В.Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской республики. "История СССР", 1970, № 1, стр. 50.

как и на раскопанном участке Неревского конца, или же в других местах наряду с крупными усадьбами существовали и более мелкие владения или просто дома, принадлежавшие иным слоям новгородского населения. Хотя раскопки последних лет на Славенском конце постоянно подтверждают предположенную картину, открывая все новые и новые крупные усадьбы и ни одной меньшего размера, однако все же таких материалов пока крайне мало для решительного вывода. Но мы именно потому и заостряем социальный характер выводов из микротопографии исследованных участков городской территории, что хотим показать прямую зависимость дальнейших исторических построений от направления и объема археологического изучения Новгорода в ближайшие годы.

По сути дела речь идет о том, жило ли основное население Новгорода по усадьбам феодалов или же оно имело собственные дома и не так зависело от бояр, как жители их усадеб. Пока не проведены достаточно широкие раскопки в разных концах города, этот вопрос можно только ставить, но решить его еще нельзя. А от его решения зависит и наше представление о структуре политического строя Новгорода, о социальном составе его веча. Если новгородцы жили по феодальным усадьбам или на земле, принадлежащей боярским родам, то трудно себе представить, чтобы усадебовладельцы и зависимые от них жители их усадеб принимали равноправное участие в вечевых сходах, что вече было

органом не одних землевладельцев, а всего новгородского населения.

Еще И. Первольф отмечал, что древнепольское великое вече означало съезд князя и кметей до XV в., что в других местах в сходках участвовали с правом голоса господа - хозяева, родовые или семейные начальники, "как это водится до сих пор в сельских сходках", остальные же члены общины присутствовали, по всей вероятности, без права голоса. То же было и в адриатическом Поморье, где "участие простого народа в вече или соборе устранили властели" ¹⁰¹⁾. Скандинавские тинги в XII-XIII вв. также состояли из представителей населения, а не из всей его совокупности ¹⁰²⁾.

По-видимому, все это приложимо и к новгородскому вечу тем более, что оно, будучи органом федерации разноэтничных компонентов, не могло иметь иного характера, кроме представительного от сословия родовой аристократии или от класса крупных владельцев земли. В то же время, однако, вряд ли можно сомневаться, что в целом государственный строй Новгорода сохранял несравнимо больше черт демократии, нежели монархический строй княжеств. Даже в XV в., когда боярская олигархия торжествовала полную победу, новгородцы всех сословий считали вечевого строй знаменем своей древней вольности, сбереженным в ходе антикняжеской борьбы. Только наличием таких демократических черт можно объяснить специфическое для Новгорода широкое распространение грамотности, а также особую политическую активность всех слоев его населения.

Это противоречие может быть объяснено наличием очень важной особенности государственного строя Новгорода - гласности его политической жизни. Вече состояло из представителей привилегированного сословия, но его работа велась не за плотно закрытыми дверьми, а под небом, в окружении толпы, неправомочной, но способной криками одобрения или негодования влиять на решения вечников. Именно с этим обстоятельством, на наш взгляд, связано упоминание под

---

¹⁰¹⁾ И. Первольф. Славяне и их взаимные отношения и связи, т. 2, стр. 163-170.

¹⁰²⁾ А.Я. Гуревич. Свободное крестьянство Норвегии в XII-XIII вв. М., 1967.

1471 г. "худых мужиков вечников", нанятых за деньги инициаторами антимосковской борьбы ¹⁰³⁾.

Решение многих вопросов, впервые поставленных перед нами результатами археологических раскопок, в то же время непосредственно зависит от того, насколько наше поколение сумеет сохранить культурный слой Новгорода от дальнейшего уничтожения и насколько оно сможет планомерно организовать раскопки еще нетронутых участков этого слоя. В данном случае задачи охраны культурного слоя Новгорода (не говоря уже о других древнерусских городах) непосредственно смыкаются с научной исторической проблематикой. Показать эту зависимость современного дела охраны памятников культуры, - а культурный слой в этом отношении не менее, а может быть, и более ценен, чем древние здания или иконы, - от задач археологического и исторического изучения средневековой Руси и было одной из задач нашей статьи.

Однако новгородская проблематика имеет значение для работы по охране памятников культуры и вместе с тем для разработки исторических вопросов в пределах не только Новгорода, но и всего древнерусского государства. В.Т. Пашуто недавно хорошо показал многослойность этнической структуры древней Руси ¹⁰⁴⁾. Обращаясь к происхождению древнерусских городов, мы видим, что не только Новгород возник на базе разнородных в этническом отношении поселений. Видимо, такова же судьба и других городов к северу от среднего Поднепровья. Известно, в частности, что Псков имел не только древнее, по-видимому, неславянское поселение на территории своего более

позднего кремля, но и чисто славянский Городец в стороне от него, самим своим названием связанный с укрепленным славянским поселением. Славянский и неславянский контингенты населения были одинаково вовлечены в процессы социального развития, охватившие всю северную половину древнерусского государства.

Но модель происхождения Новгорода из политического центра одной из предгосударственных федераций имеет, по всей вероятности, немалое значение и для понимания происхождения первых южных городов, в частности, Киева. Все эти первые города возникали не вокруг княжеских замков и не из ремесленно-торговых поселений, которые рисуются обычно историками в некотором отрыве от картины зависимости первых ремесленников и торговцев от их хозяев-землевладельцев. В городах только с течением времени появились княжеские крепости, а во многих из них княжеские дворы были экстерриториальны по отношению к первоначальному вечевому ядру этих городов. И ремесленно-торговыми центрами первые города стали только по мере накопления продуктов дани и грабежа соседних земель, которые надо было обрабатывать и реализовывать среди населения городской округи.

Первые города это еще поселения сельского типа, возникающие вокруг центральных капищ, кладбищ и мест вечевых собраний, иными словами, вокруг погостов, где со временем стали оседать полномочные участники и руководители вечевых собраний больших округ. Недаром поэтому в Киеве, например, древнейшее и гигантское языческое кладбище обнаружено в самом центре древнего города, там, где, казалось бы должны находиться полуземлянки, а не могилы. Древнейший же "град Киев" занимает очень маленькую территорию, на которой находилось капище, то самое, на котором Владимир после взятия Киева поставил языческих кумиров. Погосты-буевища находились в самом центре Нов-

---

¹⁰³⁾ ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 126.

¹⁰⁴⁾ В.Т. Пашуто. Особенности этнической структуры древнерусского государства. "Acta Baltico - Slavica", t. VI. Bialystok, 1969, s. 159-174.

города и Пскова. Таким же погостом, вероятно, было Гнездовское курганное поле - предшественник Смоленска в роли административно-политического центра большой округи.

Древнерусский город возник не из княжеских замков или торгово-ремесленных поселений, а из административных вечевых центров сельских округ - погостов, мест концентрирования дани и ее сборщиков, что недавно совершенно справедливо отметил Б. А. Рыбаков ¹⁰⁵⁾. Заметим, что исследователь исходил из совершенно иного фактического материала, нежели тот, который был приведен выше.

Этой особенности своего происхождения русские города обязаны и тем, что в них жила основная масса землевладельцев-бояр, имевших обширные хозяйства в сельской местности и в то же время крайне заинтересованных в сборе и дележе дани, накапливавшейся с гораздо более обширных территорий, еще не охваченных процессом феодализации. Любопытно, что еще сто лет тому назад В.И. Сергеевич очень тонко подметил, что не только на севере Руси, но и на ее юге горожане озабочены защитой не одного своего города, но и всей земли ¹⁰⁶⁾. Это замечание станет понятным в том случае, если учесть, что с самого начала "власть земли" сосредоточивалась как раз в городах, где жили бояре и зависимое от них население.

И, наконец, последний аспект необходимости форсировать изучение древних городов. Если города возникли из погостов, то само возникновение погостов, их рост и

развитие неотделимы от процесса зарождения государственного аппарата, от процесса становления самого государства, от появления и укрепления межтерриториальных связей, от процесса консолидации верхних слоев общества, перерастающих в государство. Если ставить вопрос таким образом, то важность охраны культурного слоя наших древних городов станет еще более ясной. Тайны возникновения русского государства погребены сейчас под землей, и культурный слой цепко хранит эти тайны. Сбереечь его - значит сберечь и единственную из оставшихся возможностей проникнуть в самую увлекательную эпоху русской истории - в эпоху, когда эта история еще только зарождалась.

---

¹⁰⁵⁾ Б.А. Рыбаков. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси (тезисы доклада). "Проблемы возникновения феодализма у народов СССР". М., 1969, стр. 25-28.

¹⁰⁶⁾ В.И. Сергеевич. Вече и князь. М., 1867.
